

Институционально-правовые основания общеправовой модели дискреционных полномочий

Аннотация. Исследование посвящено практическим и теоретическим аспектам правовой институционализации дискреционных полномочий властных субъектов юридической деятельности. В рамках теории институционализма рассмотрено понятие правовой институционализации как методологической основы познания системной юридической природы институтов права и концептуализации общеправового статуса института дискреционных полномочий. Системный подход и метод моделирования позволили выйти за пределы отраслевой трактовки институтов права и в порядке развития институциональной теории права актуализировать концепцию общеправовой модели их восприятия на уровне системных связей нормативных правовых предписаний национального и международного права. В контексте учения о юридической технике выявлен технико-юридический потенциал правовой институционализации дискреционных полномочий властных субъектов юридической деятельности. Обоснован вывод о том, что общеправовой статус института дискреционных полномочий имеет в своей основе единство технико-юридических конструкций нормативных правовых предписаний абстрактно-общих, относительно определенных норм и принципов материального и процессуального права.

Ключевые слова: институционализм; правовая институционализация; институт права; институциональные связи; система права; систематизация норм права; дискреционные полномочия; усмотрение; средства юридической техники; технико-юридические конструкции.

Для цитирования: Валиев Р. Г. Институционально-правовые основания общеправовой модели дискреционных полномочий // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 5. — С. 11—18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.011-018.

Institutional and Legal Foundations of the General Legal Model of Discretionary Powers

Rafail G. Valiev, Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008
raf.val.111@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to practical and theoretical aspects of legal institutionalization of discretionary powers of authorities involved in legal activities. The author investigates the concept of legal institutionalization within the framework of the theory of institutionalism applied as a methodological basis for better understanding

© Валиев Р. Г., 2020

* **Валиев Рафаиль Газизуллович**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008
raf.val.111@yandex.ru

of the systemic legal nature of the institutions of law. The paper also deals with conceptualization of a general legal status as an institution of discretionary powers. The systematic approach and modelling method allowed the author to go beyond the sectoral interpretation of the institutions of law and to update the concept of the general legal model of their perceptions at the level of systemic links between the normative legal prescriptions under national and international law. In the context of the doctrine of legal technique, the author has determined the technical and legal potential of legal institutionalization of discretionary powers of authorities involved in legal activities. The author has substantiated the conclusion that the general legal status of the institution of discretionary powers is based on the uniformity of technical and legal constructions of normative legal prescriptions of abstract general and relatively certain rules and principles of substantive and procedural law.

Keywords: institutionalism; legal institutionalization; institution of law; institutional relations; system of law; systematization of law; discretion powers; discretion; means of legal technique; technical and legal constructions.

Cite as: Valiev RG. Institutsionalno-pravovye osnovaniya obshchepравovoy modeli diskreсионnykh polnomochiy [Institutional and Legal Foundations of the General Legal Model of Discretionary Powers]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(5):11—18. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.114.5.011-018. (In Russ., abstract in Eng.).

В процессе актуализации социальных явлений в качестве правовых объектов важное место занимает их правовая институционализация, в рамках которой происходит их легализация на уровне системы права. Одним из таких объектов, который имеет институциональное выражение в структуре правовой практики, выступают дискреционные полномочия властных субъектов юридической деятельности. Предусмотренные нормами права дискреционные полномочия существенным образом отражаются на поведении властных субъектов юридической деятельности¹. Дискреционные полномочия являются источником не только позитивных, но и негативных дискреционных тенденций юридической деятельности. Эти тенденции выступают практической основой теоретической актуализации дискреционных полномочий.

Дискреционные полномочия олицетворяют собой нормативно обусловленную возможность властных субъектов юридической деятельности действовать по своему усмотрению, выбирая соответствующий вариант юридически значимого поведения исходя из стоящих перед ними задач. Дискреционные полномочия распространяются на ту часть поведения или деятельности власт-

ного субъекта юридической деятельности, которая конкретно не урегулирована нормами права и предполагает его усмотрение. В юридической доктрине справедливо отмечается, что прямое предоставление правоприменителю дискреционных полномочий связано с неустранимостью усмотрения, обусловленного неизбежной неопределенностью права и необходимостью принятия индивидуальных решений². Данный тезис имеет методологическое значение. Он позволяет констатировать, что актуальность дискреционных полномочий как предмета правовых исследований имеет непреходящий характер. Так, наглядным примером неустранимости дискреционных полномочий правоприменителя выступают нормативные правовые предписания Особенной части УК РФ. Конкретизация и применение санкций, т.е. определение конкретной и адекватной меры ответственности виновного лица из предусмотренных этим законом норм, опосредуются исключительно дискреционными полномочиями субъекта судебного правоприменения.

Проблематика дискреционных полномочий в разное время так или иначе рассматривалась исследователями в контексте феномена усмотрения в правовой сфере³. Однако

¹ Далее — дискреционные полномочия.

² См., например: Кашанин А. В. Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 4. С. 21.

³ См., например: Люблинский П. И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах. СПб. : Сенатская тип., 1904. 34 с. ; Michoud L. Étude sur le pouvoir discrétionnaire de l'administration. Université de

в аспекте, обозначенном в названии темы данной статьи, исследований не предпринималось. Между тем нормативная обусловленность дискреционных полномочий на уровне подсистем материального и процессуального права свидетельствует об их институциональной природе, которая не ограничивается рамками отраслевого аспекта его восприятия. Более того, институционально-правовые основания дискреционных полномочий находят свое выражение в системах не только национального, но и европейского, а также международного права, что позволяет ставить вопрос об общеправовом аспекте их доктринального восприятия. Обозначенное обстоятельство обуславливает актуальность институционально-правовых оснований концептуализации общеправовой модели дискреционных полномочий.

Вопрос актуализации институционально-правовых оснований в целом значим тем, что позволяет формировать представление о юридической природе институтов права как о результате правовой институционализации. В ракурсе правовой институционализации восприятие институтов права значительно шире той трактовки, которая в отечественном правоведении связана с качественной однородностью регулируемых нормами права общественных отношений. Предметный обзор законодательства позволяет заключить, что в институциональном плане критерии образования и разграничения институтов права не ограничиваются качественной однородностью общественных отношений. В нормах права по признаку типичности выделяются институциональные модели иных правовых объектов, которые так или иначе связаны с правоотношениями и являются их содержательными

элементами. Во всяком случае правоотношения имеют своим системным содержанием права, свободы и обязанности граждан и должностные полномочия, правовой статус, допустимые модели поведения адресатов норм права, те или иные формы их правовой активности. Основополагающее значение для правоотношений имеют юридически значимые идеи, имеющие институциональный статус принципов права. Следовательно, институциональные основания имеют значительно более широкий спектр критериев.

Анализ правовой институционализации актуален «в силу ее интегративного характера, позволяющего выражать параллельные процессы образования и трансформации социальных отношений и явлений из статуса неформализованных в статус юридически формализованных объектов»⁴ на уровне институтов права. Судьбоносное социальное значение институционализации вообще в том и состоит, что в ее рамках «происходит замена спонтанного, хаотического поведения на предсказуемое, которое ожидается и регулируется»⁵. Предсказуемость юридически значимого поведения, как хорошо известно, достигается посредством его нормирования, в порядке юридической формализации лежащих в его основе социальных правил. Тем не менее содержание правовой институционализации не ограничивается юридической формализацией правил, составляющих содержание права. В таком восприятии правовая институционализация конкурирует с понятием правотворчества и не раскрывает всех своих свойств как юридически значимого феномена. Понятие же института права как системы норм права дается без привязки к правовой институционализации.

Grenoble: Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1913. 118 p. ; *Waline M.* Le pouvoir discrétionnaire de l'administration et sa limitation par le contrôle juridictionnel. Paris : M. Giard, 1930, 31 p. ; *Davis K. C.* Discretionary Justice in Europe and America. Urbana, Chicago, and London : University of Illinois Press, 1976. 203 p. ; *Galligan D. J.* Discretionary powers: a legal study of official discretion. Clarendon Press, 1990. 432 p. ; *Ford Ch. A.* Judicial discretion in international jurisprudence: article 38(1)(c) and «general principles of law» // *Duke j. of comparative & intern. law.* 1995. Vol. 5, № 1. Pp. 35—86.

⁴ *Валиев Р. Г.* О значении концепта «правовая институционализация» // *Юридическая наука и практика: история и современность* : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. 5 июня 2013 г. / отв. ред. И. В. Пантюхина. Рязань, 2013. Вып. 1. С. 22.

⁵ *Мухаев Р. Т.* Социология : конспект лекций. М. : Проспект, 2009. С. 89.

Между тем институт права олицетворяет собой систему норм права и, значит, в исследовании проблематики правовой институционализации должен учитываться потенциал системного аспекта, который применительно к содержанию ее понятия юридической доктриной не отражается. Обозначенная проблемная ситуация обуславливает задачу уточнения сущности правовой институционализации и институтов права в системном аспекте их взаимосвязи.

В контексте экономического, социологического и политологического направлений учения институционализма содержание институциональных процессов одинаково характеризуется такими общими чертами, как нормативность и приведение норм в систему. Указанные черты институционализации, на наш взгляд, имеют теоретическое и методологическое значение в восприятии системного характера социального института. Исходя из системного характера социальных институтов, выделение такого аспекта институционализации, который акцентирует внимание на приведении социальных норм в систему, как представляется, является целесообразным и плодотворным для характеристики правовой институционализации. Обозначенный аспект теории институционализации предполагает корреляцию с понятием института как ее результата.

Правовая институционализация подчинена потребностям общественного развития в упорядочении социальных отношений, отличающихся многообразием и разнородностью. В силу разнородности социальных отношений само право актуализирует потребность в систематизации его содержания на уровне моделей правовых норм сообразно этой разнородности, которая укладывается в соответствующие институты права. В этой связи правовая институционализация выполняет функцию дифференциации социальных отношений сообразно их типам, выступающим социальным основанием разграничения юридически легализованных социальных отношений в рамках соответствующих институтов права. Поэтому институты права, как и любые

социальные институты, — это системные образования, обладающие соответствующей структурой. В этом аспекте институт права служит отражением системной социальной практики и «структурирован в соответствии со структурой практики»⁶. Поэтому в характеристике объективных оснований правовой институционализации важное место занимает системный характер общественных отношений и социальных норм, а также иных социальных объектов. Соответственно этой системности осуществляется их правовая институционализация.

Правовая институционализация может иметь свое объективное выражение на уровне как отдельного нормативного правового акта, так и целого ряда нормативных правовых актов. На доктринальном уровне институт права как абстрактный образ, теоретическая модель, олицетворяющая результат систематизации норм права, может находить свое выражение в различных формах интеграции норм права. Правовая институционализация представляется как целенаправленная мыслительная операция субъекта актуализации правового института, заключающаяся в предметной дифференциации и объединении норм права в единую общность. Иными словами, в правовой институционализации доминируют такие существенные черты, как правовая актуализация социальных объектов на уровне норм права и приведение этих норм в систему. С этой точки зрения можно выделять два начала, две стороны процесса правовой институционализации, которые обуславливают его двойственное содержание, — правовую актуализацию социальных объектов в порядке их формально-юридической легализации на уровне норм права и систематизацию, приведение этих норм права в определенную систему на уровне институтов права. Таким образом, правовая институционализация имеет под собой системную основу и может рассматриваться как процесс правовой актуализации социальных объектов на уровне институтов права в порядке систематизации норм права. И в этом, как представляется, главное проявление

⁶ Pogodin A. V., Krasnov E. V., Valiev R. G. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law // *Helix*. 2018. Vol. 8, Is.1. P. 2448. DOI: 10.29042/2018-2447-2450.

ние сущности правовой институционализации. Значение правовой институционализации в изложенном аспекте заключается в том, что она позволяет выражать процесс формирования институционально-правовых моделей социальных объектов.

В аспекте систематизации норм права методологически важным для анализа сущности правовой институционализации представляется учение о дифференциации и интеграции в праве. По замечанию Д. Е. Петрова, «дифференциация и интеграция в системе права с разных сторон представляют собой одновременно тенденции, процессы и закономерности ее развития»⁷. При этом тенденции дифференциации и интеграции процесса систематизации норм права органично взаимосвязаны — интеграция норм права на уровне системы права сопровождается их дифференциацией в рамках соответствующих институтов. В этом аспекте та сторона правовой институционализации, которая выражается в систематизации норм права, сочетает в себе дифференциацию и интеграцию норм права. Иными словами, дифференциация и интеграция могут быть рассмотрены как неотъемлемые взаимосвязанные части систематизации норм права как системообразующей составляющей процесса правовой институционализации. Дифференциация и интеграция норм права находят выражение на уровне отдельных институтов, субинститутов, отраслей, подсистем и систем национального и международного права.

Правовая институционализация как логический процесс связана с объединением норм права, предполагающим установление их единства на основе общих признаков типичности. Как отмечается в науке, «норма права, принимаемая субъектом нормотворчества, не может быть хаотично помещена в массив уже имеющих норм. Так или иначе, она неизбежно согласовывается с ними, а также тематически увязывается с определенной группой других норм права»⁸. Если отдельное нормативное пра-

вовое предписание отражает нормативную модель правового объекта: правоотношений, прав и обязанностей, поведения или деятельности адресатов правовых норм, их статуса, то институт выражает их институциональную модель, их общий с точки зрения системы норм права типичный характер. Нормы права могут выполнять свои функции только во взаимосвязи и взаимодействии с другими нормами. Поэтому между ними изначально существуют институциональные отраслевые и межотраслевые связи. Институциональные связи норм права являются той скрепой, которая скрепляет их в единой общности. Институциональное единство обеспечивает единство в правовом регулировании на уровне институтов права. Институциональные связи норм права исключают внутреннюю дезорганизованность и обеспечивают согласованность содержания права на уровне его соответствующих институтов. Правовая институционализация выражает необходимые внутрисистемные связи между содержательными элементами института права, т.е. то, что обеспечивает институциональность или институциональный характер правовых объектов на уровне системы норм права. Олицетворяя собой атрибут системной характеристики институтов права, институциональные связи норм права выступают неотъемлемым компонентом правовой институционализации как процесса системной организации института права. Изложенный аспект является методологически значимым основанием интерпретации правовой институционализации как процесса приведения в систему норм права в рамках соответствующих институтов права.

Парадигма институционализма позволяет полагать, что в правовой институционализации важное место занимают юридически значимые идеи, отражающие определенные потребности и интересы общественного развития. В основе дифференциации и интеграции норм права могут лежать юридически значимые идеи, значение которых выходит за рамки системы

⁷ Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 17.

⁸ Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Голovina [и др.] ; под ред. Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2017. С. 114.

национального права. С этой точки зрения идеологическое основание правовой институционализации выступает определяющим фактором уровневой интеграции норм права. Интеграция норм права может иметь субинституциональный, институциональный, отраслевой, межотраслевой, общеправовой национальный и транснациональный уровни. Общеправовым, на наш взгляд, представляется институт, нормы которого представлены на уровне норм национального и международного права в рамках подсистем материального и процессуального, а также частного и публичного права. В системах национального права имеется значительный массив норм права, имеющих транснациональный общеправовой характер. Так, например, на транснациональном уровне интеграции норм права находит свое выражение общеправовой принцип диспозитивности. Наглядным примером является и институт дискреционных полномочий, который представлен в рамках как подсистемы частного и публичного, так и подсистем материального и процессуального права. Именно на уровне системных взаимосвязей институтов национального, европейского и международного права дискреционные полномочия обретают общеправовой статус. В институтах национального, европейского и международного права имеется немалое количество норм, предполагающих либо непосредственно закрепляющих дискреционные полномочия, которые выступают в качестве судьбоносного фактора правового регулирования. Транснациональный статус усмотрения властных субъектов представлен системами национального, европейского и международного права. Межотраслевые связи института дискреционных полномочий проявляют себя как на уровне различных материальных и процессуальных отраслей, так и на уровне частноправового и публично-правового комплексов системы национального, европейского и международного права.

Системным институциональным основанием концептуализации общеправовой модели дискреционных полномочий, раскрывающим особенности юридической формализации дискреционных полномочий, выступают средства нормотворческой юридической техники. Сред-

ства нормотворческой юридической техники выступают инструментом не только формально-юридического выражения, но и систематизации предписаний норм права. Типичность используемых в правовой институционализации технико-юридических средств выступает технико-юридическим основанием общеправового статуса дискреционных полномочий. Речь идет о таких средствах технико-юридической организации нормативных правовых предписаний, как юридические конструкции. Таковыми являются абстрактно-общие и относительно определенные конструкции технико-юридической организации предписаний норм и принципов права, предполагающие возможность совершения действий по усмотрению властных субъектов юридической деятельности. Так, абстрактно-общими конструкциями нормативно-правовых предписаний Конституции Российской Федерации в содержание властной компетенции президента России инкорпорированы его дискреционные полномочия по вопросу подписания федеральных законов (ст. 84), вопросам гражданства Российской Федерации и награждения государственными наградами (ст. 89); председателя Правительства Российской Федерации — по вопросу определения основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации (ст. 113); Верховного Суда Российской Федерации — по вопросам осуществления судебного надзора за деятельностью судов общей компетенции и дачи разъяснений судебной практики (ст. 126). В таких нормативно-правовых предписаниях отсутствует указание о каких-либо нормативно выраженных вариантах решения вопроса и содержание условий их реализации. В силу абстрактно-общих и относительно определенных конструкций дискреционные полномочия инкорпорированы в нормативные правовые предписания как элементы властной компетенции и выступают в качестве решающего фактора юридической деятельности. Особенность данной разновидности технико-юридических конструкций правовых норм заключается в том, что в них конкретные условия поведения их адресатов не раскрываются, т.е. юридически значимое решение ставится в зависимость от усмотрения самих

властных субъектов юридической деятельности. Таковы, например, конструкции нормативных правовых предписаний по вопросу относимости и допустимости доказательств (ст. 59 ГПК РФ), об установлении имеющих значение для рассмотрения дела обстоятельств (ст. 196 ГПК РФ), о свободе оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), возбуждении уголовного дела следователем и дознавателем (ст. 20 УПК РФ) и др.

Такие обладающие единством абстрактно-общие и относительно определенные конструкции технико-юридической организации предписаний норм и принципов права характерны для норм как материального, так и процессуального права и находят свое выражение на уровне систем национального, европейского и международного права. Единство технико-юридической конструкции нормативных правовых предписаний выступает интегрирующим фактором правовой институционализации общеправовой модели дискреционных полномочий. Поэтому формально-юридические особенности абстрактно-общих и относительно определенных конструкций нормативных правовых предписаний могут рассматриваться в качестве технико-юридического основания концептуализации общеправового статуса дискреционных полномочий. В изложенном контексте институт дискреционных полномочий в праве представляется как система взаимосвязанных единой технико-юридической конструкцией нормативных правовых предписаний, актуализирующих институциональную модель дискреционного поведения или деятельности властных субъектов юридической деятельности.

Таким образом, правовая институционализация имеет под собой системную основу и может рассматриваться как процесс образования институтов права в порядке систематизации норм

права. Институт права — результат систематизации норм права, основанной на институциональных связях обладающих единством норм права, служащим основанием их объединения в единую общность на уровне системы права в порядке их дифференциации и интеграции.

Процесс правовой институционализации дискреционных полномочий включает в себя стадию правовой актуализации усмотрения властных субъектов на уровне норм права и стадию их систематизации, имеющую своим результатом институт дискреционных полномочий.

Правовая институционализация дискреционных полномочий находится в системной связи с технико-юридической организацией нормативно-правовых предписаний, детерминирующих их институциональный статус. Единство технико-юридической организации нормативно-правовых предписаний, основанных на абстрактно-общих и относительно определенных конструкциях, предполагающих дискреционные полномочия субъектов юридической деятельности, находит свое выражение на уровне системных связей национального, европейского и международного права. Это свидетельствует о трансграничном характере институциональной природы дискреционных полномочий как общеправового института и служит основанием концептуализации их общеправовой модели. В этом качестве институт дискреционных полномочий представляет собой систему абстрактно-общих и относительно определенных нормативных правовых предписаний материального и процессуального права, детерминирующих актуальность юридически значимого усмотрения властных субъектов юридической деятельности на уровне систем национального, европейского и международного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Валиев Р. Г. О значении концепта «правовая институционализация» // Юридическая наука и практика: история и современность : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. 5 июня 2013 г. / отв. ред. И. В. Пантюхина. — Рязань, 2013. — Вып. 1. — С. 21—24.
2. Кашанин А. В. Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 4. — С. 19—34.

3. Люблинский П. И. Основания судебного усмотрения в уголовных делах. — СПб. : Сенатская тип., 1904. — 34 с.
4. Мухаев Р. Т. Социология : конспект лекций. — М. : Проспект, 2009. — 176 с.
5. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2015. — 505 с.
6. Система права: история, современность, перспективы : монография / Т. Н. Радько, Д. М. Азми, А. А. Головина [и др.] ; под ред. Т. Н. Радько. — М. : Проспект, 2017. — 279 с.
7. Davis K. C. Discretionary Justice in Europe and America. — Urbana, Chicago, and London : University of Illinois Press, 1976. — 203 p.
- 8 Ford Ch. A. Judicial discretion in international jurisprudence: article 38(1)(c) and «general principles of law» // Duke j. of comparative & intern. Law. — 1995. — Vol. 5. — № 1. — Pp. 35—86.
9. Galligan D. J. Discretionary powers: a legal study of official discretion. — Clarendon Press, 1990. — 432 p.
10. Michoud L. Étude sur le pouvoir discrétionnaire de l'administration. — Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1913. — 118 p.
11. Waline M. Le pouvoir discrétionnaire de l'administration et sa limitation par le contrôle juridictionnel. — Paris : M. Giard, 1930, — 31 p.
12. Pogodin A. V., Krasnov E. V., Valiev R. G. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law // Helix. — 2018. — Vol. 8, Is. 1. — Pp. 2447—2450. — DOI: 10.29042/2018-2447-2450.

Материал поступил в редакцию 22 сентября 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Valiev R. G. O znachenii koncepta «pravovaya institucionalizaciya» // Yuridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost : sb. mater. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 5 iyunya 2013 g. / otv. red. I. V. Pantyuxina. — Ryazan, 2013. — Vyp. 1. — S. 21—24.
2. Kashanin A. V. Neopredelennost prava i usmotrenie pravoprimenitelya kak ogranichiteli ispolzovaniya centralizovannykh metodov regulirovaniya // Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. — 2013. — № 4. — S. 19—34.
3. Lyublinskij P. I. Osnovaniya sudejskogo usmotreniya v ugolovnykh delax. — SPb. : Senatskaya tip., 1904. — 34 s.
4. Muxaev R. T. Sociologiya : konspekt lekciy. — M. : Prospekt, 2009. — 176 s.
5. Petrov D. E. Differenciaciya i integraciya strukturnyx obrazovaniy sistemy rossijskogo prava : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2015. — 505 s.
6. Sistema prava: istoriya, sovremennost, perspektivy : monografiya / T. N. Radko, D. M. Azmi, A. A. Golovina [i dr.] ; pod red. T. N. Radko. — M. : Prospekt, 2017. — 279 s.
7. Davis K. C. Discretionary Justice in Europe and America. — Urbana, Chicago, and London : University of Illinois Press, 1976. — 203 r.
- 8 Ford Ch. A. Judicial discretion in international jurisprudence: article 38(1)(c) and «general principles of law» // Duke j. of comparative & intern. Law. — 1995. — Vol. 5. — № 1. — Pp. 35—86.
9. Galligan D. J. Discretionary powers: a legal study of official discretion. — Clarendon Press, 1990. — 432 p.
10. Michoud L. Étude sur le pouvoir discrétionnaire de l'administration. — Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1913. — 118 p.
11. Waline M. Le pouvoir discrétionnaire de l'administration et sa limitation par le contrôle juridictionnel. — Paris : M. Giard, 1930, — 31 p.
12. Pogodin A. V., Krasnov E. V., Valiev R. G. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law // Helix. — 2018. — Vol. 8, Is. 1. — Pp. 2447—2450. — DOI: 10.29042/2018-2447-2450.